

Гу Сяодун и подумать не мог, что его поселят у Гу Цзиньюя. Чувствовалось в этом какое-то неловкое стеснение, и всё же — окажись он сейчас один в Восточном лесном саду, брошенный и забытый всеми посреди семейного празднества, было бы стократ хуже. Уж лучше, отбросив стыд, навязаться и остаться здесь, в усадьбе Цзиньюя, чтобы хоть краем глаза прикоснуться к чужой, настоящей жизни.

Обитель Гу Цзиньюя превосходила его собственное жилище раза в три. Просторное поместье в два двора с тремя воротами; помимо спален и комнат для слуг, здесь громоздлись лишь бесконечные кабинеты да залы для тренировок. Обстановка дышала строгой скромностью. Даже цветы и кусты в саду были подобраны без изысков — лишь привычная глазу зелень да скромные алые бутоны. Коричневая черепица, серый кирпич стен под бескрайним небом — эта простота казалась почти унылой.

— Сегодня у нас важные гости, так—весь день придётся провести на приёмах, — сказал Гу Цзиньюй, увлекая гостя в глубь просторного, затихшего двора. — Вернусь только к вечеру. А ты, Сяодун, устраивайся и отдыхай. Можешь осматривать здесь всё, что вздумается. Чжу Ми знает каждый угол, если что-то понадобится — распоряжайся им без стеснения. Вдруг кто выкажет непочтение — вели Чжу Ми наказать смутьяна, или же дождись меня, вечером я со всем разберусь.

— Четвёртый...

— Называй меня просто по имени, — перебил Гу Цзиньюй и обернулся. Шёлковые ленты, вплетённые в его причёску, легко колыхались на ветру. — Забыл? На Праздник седьмого вечера ты сам сказал, что мы родились в один день, месяц и год. Правила приличия — это для чужих ушей, а когда мы наедине, забудь о чинах. Здесь всё твоё. Не нужно робеть.

На душе у Гу Сяодуна потеплело. Он тихонько позвал кузена по имени, невольно шагнул ближе и, потянув за край широкого рукава, заговорщически прошептал:

— Почему ты мне помогаешь?

— Глупости какие, — Цзиньюй легонько шлёпнул его по ладони тыльной стороной руки. — Если вечером ничего непредвиденного не случится, я зайду за тобой, и мы пойдём на семейный ужин.

С этими словами он ушёл. Сяодун проводил его взглядом, чувствуя, как внутри разливается щемящая благодарность.

«Надо же, какой понимающий, заботливый брат», — растроганно подумал он.

Следовавший поодаль Чжан Дэнцин заметил эту сцену. Сначала он в ярости стиснул зубы, мысленно обозвав Гу Цзиньюя фальшивым притворщиком, но следом лишь сокрушённо вздохнул: до чего же его глупый младший брат доверчив и прост — пара ласковых слов, и он

уже растаял.

Утреннее уныние рассеялось без следа. К тому же сегодня Сяодуна не заставляли носить тяжёлую поясную подвеску смирения, так что он с превеликим удовольствием принялся прыгать и метаться по огромной усадьбе. Любой другой на его месте счёл бы приглашение хозяина простой вежливостью, но простодушный юноша принял всё за чистую монету.

Любая закрытая дверь будила в нём неуёмное любопытство. В каждой комнате ему виделся осколок чужой судьбы, маленькая драма земного бытия. Сяодуну страстно хотелось заглянуть за каждый порог, прикоснуться к вещам и попытаться представить, как Гу Цзиньюй провёл здесь прошлые двенадцать лет своей жизни.

Сгорая от нетерпения, он первым же делом направился в тренировочный зал — самый просторный из всех покоев Цзиньюя. Оружия там, разумеется, хватало, но стоило переступить порог, как взгляд упёрся в расчищенную площадку посреди главного зала. Там, обособленно и грозно, покоился вороной длинный лук.

Сяодун огляделся. Вокруг висело и стояло немало куда более броского оружия и хитрых тренировочных снарядов. Озадаченный, он повернулся к сопровождавшему его управляющему:

— Чжу Ми, а что это за лук такой особенный? Остальные клинки да копья жмутся друг к другу, точно нищие на паперти, а этот развалился на пустом месте, как заправский помещик. Больно уж вид у него спесивый.

От такого сравнения Чжу Ми лишь мысленно покачал головой, но ответил ровно:

— С этим луком четвертый молодой господин в прошлом году впервые отправился на зимнюю императорскую охоту в Чанло. Для него это оружие памятно.

Расспрашивая на ходу о зимней охоте, Сяодун приблизился к подставке. Ему хотелось получше рассмотреть грозное оружие и представить, как Цзиньюй натягивает тугую тетиву. Однако шагах в двух он резко замер. На нижнем плече лука багровело длинное пятно размером с палец. На лак это походило мало — куда больше на запекшуюся кровь.

— Тут кровь! — ахнул Сяодун, отступая на шаг.

— Верно, — невозмутимо отозвался управляющий. — Это кровь первой добычи четвертого молодого господина.

Величественный образ статного воина вмиг развеялся, сменившись чем-то зловещим и пугающим. Сяодун по-детски зажал ладонями глаза и поспешно отвернулся, однако любопытство упрямо взяло верх. Приоткрыв одну щелочку между пальцами, он спросил:

— И... какого же зверя он подстрелил?

Чжу Ми промолчал. Четвёртый молодой господин мог загнать в лесу свирепого хищника, а мог — пустить стрелу в человека.

— Мне это неведомо, — уклонился от прямого ответа Чжу Ми. — Знаю лишь, что после возвращения с той охоты князь стал ценить четвертого молодого господина едва ли не наравне с наследным княжичем. Должно быть, его светлость остался крайне доволен успехами сына. Сам молодой господин тоже придаёт тому дню огромное значение, потому и выставил лук на самое почётное место.

— Интересно, что же такое нужно совершить, дабы заслужить похвалу князя? — с лёгкой завистью вздохнул Сяодун.

Управляющий помедлил, глядя на него сочувственно, но сдержанно.

— Молодой господин, не забивайте себе голову. Выше головы всё равно не прыгнешь, делайте лишь то, что вам под силу.

Сяодун недовольно заворчал и попятился к выходу. Заглянув ещё в пару комнат, он наконец добрался до огромного кабинета Цзиньюя и замер на пороге, ошеломлённый видом книжных шкафов. Те стояли так тесно, что между ними едва можно было протиснуться.

— Ну и высотыща! — присвистнул юноша, задирая голову и пытаясь дотянуться рукой до верхней полки. — И наставили-то их сколько... Точно мельничные крылья. Только мельница живую воду гонит, а эти шкафы хранят лишь мёртвые фолианты.

Дерево полок под пальцами оказалось старым, тяжёлым и холодным. Сяодун живо представил, как Цзиньюй сидит здесь часами, согнувшись над свитками, и невольно передёрнул плечами от озноба.

— Брат Чжу, неужели мне тоже со временем придётся прочесть всю эту гору книг?

— Не придётся.

Сяодун слабо улыбнулся, пробираясь сквозь узкие проходы, но тут же поник и тихо вздохнул:

— Дело ведь не в том, что «не нужно». Просто все считают, что мне это ни к чему. Цзиньюй грызёт свитки да учится махать мечом, а моё дело — песни петь да плясать. Эх...

— Вы способный ученик, — без тени улыбки отозвался Чжу Ми. — Не стоит себя недооценивать.

— Премного благодарен за утешение, — фыркнул Сяодун.

Он беззаботно зашагал мимо ровных книжных рядов и вышел к письменному столу — такому огромному, что на нём, пожалуй, можно было кувыркаться. Сяодун с любопытством осмотрелся и вдруг приметил в самом тёмном углу, скрытом от праздного взгляда, две скромные картины, висевшие на стене.

Подойдя ближе, он замер перед ними, задрал голову. На одной громоздились далёкие горы, на другой раскинулась дремучая чаща. Пейзажи дышали суровым величием: горные пики уходили в чистое, прозрачное небо, а над верхушками вековых деревьев кружили стаи птиц. Мастерство неизвестного художника было, честно говоря, заурядным, но сама глубина замысла и неуловимое настроение завораживали.

Заметив его оцепенение, Чжу Ми негромко пояснил:

— Эти свитки четвертый молодой господин написал сам. Впрочем, талантом к живописи он не отличался, оттого со временем забросил кисть и краски.

Сяодун изумлённо округлил глаза и ткнул пальцем в сторону дремучего бора.

— Он ведь отродясь не видал настоящей лесной глухомани! Как же у него получилось так живо передать этот мрак? И ты называешь это «заурядным талантом»?

— А вы, молодой господин, её видели? — прищурился Чжу Ми.

— Конечно! В Восточных землях полно полноводных рек. Когда плывёшь на лодке сквозь ущелья, по обе стороны высятся изумрудные кручи. Горы тянутся без конца, и лесам там края нет! — Сяодун заговорил живо, так и сияя от нахлынувших воспоминаний. Он весело покосился на стоявшего неподалёку Чжана Дэнцина и заулыбался: — Я тогда усаживался на самом носу лодки и во все глаза глядел на берега. Белые чайки и юркие пичужки вереницей скользили над самой водой. Казалось, зелёные горы уходят прямоком в небеса, а река течёт к самому краю земли.

Чжу Ми смолк, погрузившись в свои думы. Чжан Дэнцин и вовсе не проронил ни слова, лишь взгляд его потемнел от невысказанной грусти.

Осмотрев кабинет, Сяодун вернулся в отведённую ему спальню. В тишине уединённой усадьбы не было слышно ни отзвуков праздника, ни весёлого гомона гостей, собравшихся поздравить его старших братьев и сестёр. Но одиночество ничуть не портило ему настроения. Сегодня его избавили от изнурительного закаливания тела и не заставили цеплять поясную подвеску смирения. О большем он и мечтать не смел.

Самым же чудесным было обещание Цзиньюя взять его с собой на семейное застолье. Сяодун

буквально парил от счастья, рисуя в воображении картины их первого совместного ужина. В этих приятных грёзах время пролетело незаметно. Наконец солнце склонилось к закату, и в дверях показался хозяин дома.

Сяодун так и просиял, но его взгляд тут же упал на трёхъярусный лаковый туесок в руках кузена. Цзиньюй с мягкой грацией поставил коробку на стол и виновато, с явным сожалением произнёс:

— Прости, Сяодун. Похоже, наш семейный ужин придётся отложить.

Радость в глазах юноши угасла. Он принялся неловко перебирать пальцы и разочарованно пробормотал:

— Но... почему?

— Тут такое дело...

Цзиньюй не договорил. Он взмахом руки отослал слуг и принялся разбирать коробку. Сяодун затаил дыхание, надеясь, что кузен принёс ему какое-нибудь изысканное лакомство в утешение. Однако из верхнего яруса Цзиньюй достал глубокую глиняную чашу, доверху наполненную сырым мясом, и неторопливо перенёс её на подоконник.

Едва оконную створку толкнул резкий порыв ветра, снаружи с глухим клёкотом спикировал огромный кречет по кличке Догоревший фитиль. Усевшись на деревянную раму, хищная птица принялась жадно терзать угощение.

Цзиньюй ласково провёл ладонью по сильному загривку птицы. Под порывами прохладного осеннего ветра силуэт юноши и его верного крылатого спутника казался сошедшим с искусного свитка.

«Должно быть, он сильно устал за день», — подумал Сяодун, решив не докучать расспросами. Ему показалось, что общение с кречетом помогает кузену восстановить силы после утомительных приёмов, и он послушно затих.

Наигравшись с любимцем, Цзиньюй обернулся. В живых, ясных глазах Сяодуна дрожали золотистые отблески угасающей зари. Целый день Цзиньюю приходилось натягивать фальшивую улыбку перед гостями, отчего у него сводило скулы, но сейчас, глядя на простодушного кузена, он улыбнулся искренне и тепло.

— Послушай, Сяодун, только пусть это останется между нами, — он присел напротив и, заговорщически понизив голос, усмехнулся: — В поместье тайно прибыли высокие гости из императорского дворца — сама наследная принцесса и второй принц. Отец и старшие сейчас из кожи вон лезут, ублажая столь важных особ. Понятно, что им теперь не до праздничного

ужина с младшим поколением.

Сяодун от изумления даже рот приоткрыл.

— Сами члены императорской семьи? Прямо здесь, в Западном саду процветания? Получается, они совсем рядом... Невероятно. Даже не верится, что мы ходим под одной крышей.

Цзиньюй молча кивнул.

«Скоро мы станем ещё ближе», — промелькнуло у него в голове, но вслух он ничего не сказал: время для таких разговоров ещё не пришло.

Он приподнял крышку второго яруса коробки.

— Так что праздничного пира не будет. Придётся тебе перебиться скромным ужином в моей компании. Надеюсь, ты не слишком обижен?

— Ничуть! Какое же это «перебиться»? Я безумно рад разделить с тобой трапезу. У меня как раз накопилась целая куча вопросов!

— Вот как? И о чём же ты хотел поговорить?

— Цзиньюй, я сегодня утром заглядывал в твой кабинет и видел картины. Ты невероятно красиво рисуешь!

Рука Цзиньюя, собиравшаяся выставить на стол очередное блюдо, на мгновение замерла.

<http://bllate.org/book/20609/2130835>